

УДК 111.32

DOI: 10.26565/2306-6687-2019-59-06

УСКОЛЬЗАЮЩЕЕ «Я» ИЛИ КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Дышкант. Т. Н.

кандидат философских наук, доцент; НТУ
«ХПИ» tatysh@i.ua, ORCID 0000-0002-5026-
7913

В статье рассматриваются проблемы индивидуального и родового самоопределения человека в связи с угрозами, содержащимися в явлениях, продуцируемых информационным обществом и тиражируемой им массовой культурой и приводящим к внутренней дисгармонии, фрагментарности личности, что может обернуться ложной идентификацией.

Ключевые слова: идентичность, сознание, постмодернизм, массовая культура.

Дышкант Т. М. «Я», ЩО ВИСКОВЗУЄ АБО КРИЗА ІДЕНТИЧНОСТІ.

На сучасному етапі розвитку суспільства актуальною стає проблема ідентифікації та самоідентифікації людини. Індивідуальна свідомість розколота впливом масової культури, застосуванням технологій зміни свідомості, наприклад, в ситуаціях, формування громадської думки, абсолютизацією якоїсь грані людини (людина виробляє, людина споживає тощо). Проблема самоідентифікації без розуміння сутності людини не вирішувана.

Сутнісною характеристикою людини є свідомість. Будучи родовою характеристикою, свідомість проявляється у кожній особистості через призму індивідуальної, унікальної сутності конкретної особистості. Компонентна структура свідомості включає волю, знання, емоції (вольова, раціонально-розумова та емоційно-чуттєва сфери) і самосвідомість.

Сучасна деконструкція особистості здійснюється головним чином за допомогою деконструкції раціонально-розумової сфери, отже, є підстави припустити, що зв'язок даного компонента з іншими є системоутворюючим. Аналіз абсолютизації інших компонентів свідомості (волі і емоцій) показує, що безформність або порожнеча – це те, чим стає сутність людини при недооцінюванні у свідомості такої компоненти як розум.

Постмодернізм фіксує «смерть суб'єкта». Цим він підкреслює неможливість незалежної індивідуальної свідомості. Суб'єкт перетворюється в знаряддя сліпих безособових соціальних процесів. Інформаційні техніки та технології використовуються для впливу на свідомість людей. Людина починає представляти дійсність не відповідно до свого особистого сприйняття, а через відображення її в засобах масової інформації.

Вищесказане зазначає всі труднощі самовизначення особистості в інформаційному суспільстві. Інформаційне суспільство і тиражована ним масова культура призводять до внутрішньої дисгармонії і фрагментарності особистості. Це може обернутися її помилковою ідентифікацією. Отже, необхідно чітко усвідомлювати ситуацію, щоб не відбулося підміни особистості «личиною», тобто, щоб не стати «квазі-особою».

Чинити опір існуючому стану справ може тільки цілісний і на персональному (індивідуальність) і на родовому (особистість) рівні суб'єкт, а не роздроблений, «децентрований» індивід, позбавлений самосвідомості і чіткої ідентичності. Тому сучасній людині необхідно розвивати здатність формувати власне судження і прагнути проникнути в суть процесів і явищ.

Ключові слова: ідентичність, свідомість, постмодернізм, масова культура.

Dyshkant T. N., doctor of philosophy, associate professor of Kharkiv National Unoversityю. "KhPI" THE ELUSIVE «I» OR AN IDENTITY CRISIS

At the present stage of development of society the problem of identification and self-identification of the person becomes actual one. Individual consciousness is split by the influence of mass culture, the use of technologies of consciousness change, for example, in situations of formation of public opinion, the absolutization of any facet of

a person (a person who produces, a person who consumes, etc.). The problem of self-identification without understanding the essence of man cannot be solved.

The essential characteristic of man is consciousness. As a generic characteristic, consciousness is manifested in each individual through the prism of the unique essence of a particular personality. The component structure of consciousness includes will, knowledge, emotions (volitional, rational-mental and emotional-sensual spheres) and self-consciousness. Modern deconstruction of personality is carried out mainly through deconstruction of the rational-mental sphere; therefore, there is reason to assume that the relationship of this component with others is a backbone. Analysis of the absolutization of other components of consciousness (will and emotions) shows that formlessness or emptiness is what the essence of a person becomes when such a component as rationality is removed from his consciousness.

Postmodernism captures the «death of the subject». He emphasizes the impossibility of an independent individual consciousness. The subject is transformed into an instrument of blind impersonal social processes. Information technology is used to influence people's minds. A person begins to represent reality not in accordance with his personal perception, but through its reflection in the media.

From the above we can see all the difficulties of self-determination in the information society. Information society and mass culture replicated by it lead to internal disharmony and fragmentary personality. This could lead to her false identification. Therefore, it is necessary to be clearly aware of the situation, so that there is no substitution of the personality by the «likeness», that is, not to become a «quasi-personality».

To resist the existing state of affairs, the subject must be only integral one on the personal and generic levels, and not fragmented, "decentralized" individual, devoid of self-awareness and clear identity. Therefore, modern man needs to develop the ability to form his own judgment and strive to penetrate into the essence of processes and phenomena.

Key words: identity, consciousness, postmodernism, mass culture.

В свете многих современных реалий актуальными являются рассуждения об идентификации и самоидентификации человека.

Идентификация – это процесс установления идентичности, то есть тождества, во-первых, с самим собой как уникальной сущностью в виде суммы знаний о себе, поведенческого единства (субъект при установлении идентичности представляет себя как относительно устойчивую целостность), и, во-вторых, с другими, как представителями одного и того же рода (то есть поиск того, что есть «Я» как уникальная, неповторимая личность и «Я» как человек вообще). Это дает повод говорить об актуальности данной темы также по двум направлениям: во-первых, в связи с расколотостью индивидуального сознания, возникающего по разным причинам (воздействие массовой культуры, применение технологий изменения сознания, например, в ситуациях формирования общественного мнения, абсолютизация какой-либо грани человека (человек производящий, человек потребляющий и т.д.)); во-вторых, в связи с появлением такого направления как трансгуманизм и разработкой такого понятия как «постчеловек», угрожающего родовому самоопределению человека.

Индивидуальный и родовый моменты самоопределения человека взаимосвязаны, биосоциальная целостность человека разделена между понятиями «индивид» и «личность».

Проблема самоидентификации без понимания сущности человека не решаема. Напомним, что сущность человека - это те его свойства, при утрате которых он перестанет быть самим собой, то есть это некие неизменные свойства (атрибуты). Таким образом, сущность - категория вечного порядка (сущность - внутреннее существование предметов, выражается во всех формах его бытия.).

В традиционной философской антропологии одни философы подчеркивали ценность сознания, другие - деятельности. Деятельность осуществляет субъект. «Я» - субъект. Освобождает ли это определение от других вопросов: «кто действует?», «почему действует?», «для чего действует?». Не является ли отказ от ответа на эти вопросы, особенно на первый, ситуацией, подобной той, которая сложилась в физике благодаря Ньютону, когда вопросы «что?» и «почему?» заменили на вопрос «как?» (в философии на этот путь стал, например, позитивизм).

Сущностной характеристикой человека является сознание. Являясь родовым характеристикой, сознание проявляется у каждой личности через призму индивидуальной, уникальной сущности конкретной личности. Компонентная структура сознания включает волю, знания, эмоции (волевая, рационально-мыслительная и эмоционально-чувственная сферы) и само-

сознание. Эти три модуса разума, аналогично с ключевыми вопросами Канта, позволяют человеку исследовать свою сущность с помощью поиска ответов на вопросы:

- «К чему я стремлюсь?» (волевой модус);
- «Что я знаю?» (рациональный модус);
- «Что я чувствую?» (эмоциональный модус).

Самосознание же обеспечивает сведение субъектов данных вопросов в единое целое, обозначаемое «Я», то есть осуществляет самоидентификацию субъекта. Ответы на данные вопросы обеспечивают определенность самости.

Говоря о целостности «Я», необходимо исходить из положения о гармоничном сочетании данных компонентов. Любая диспропорциональность, несогласованность между ними приводит к расколотости личности, с последующей возможной деградацией и полным окончательным её исчезновением.

Содержание (наполненность) данных компонентов у каждого индивида собственное, уникальное, что даёт право говорить об индивидуальности субъекта, осуществляющего свою деятельность (в самом широком понимании, то есть и коммуникативную, и познавательную, и профессиональную и т.д.) уникальным, только ему присущим образом.

Современная деконструкция личности осуществляется главным образом посредством деконструкции рационально-мыслительной сферы, следовательно, есть основания предположить, что связь данного компонента с другими является системообразующим. «Нападки» на разум как на сущностную характеристику человека, осуществляются по двум направлениям: во-первых, на способность к определению, обеспечивающую типизацию и конкретизацию действительности. «Типизация есть умеренное обобщение, сохраняющее меру конкретности данного предмета, а конкретизация есть умеренная спецификация, сохраняющая меру определенной всеобщности – идеи, смысла. Чистая единичность, нетипизируемая, есть одновременно чистая абстрактность, неконкретизируемая. «Я есмь» есть самая сильная абстракция, поскольку она освобождает единичность от таких общих и одновременно частных определений, как «Я есмь ученный», или «Я есмь лентяй» [1, 323]. Во-вторых, на такую характеристику разума как стремление к всеобщности. В защиту данного свойства разума выступал, например, В.С. Соловьев: «Если бы наши мысли не имели сверх своей единичной психической наличности еще всеобщего логического значения, то нельзя было бы даже прийти к понятию о достоверности непосредственного сознания: переживаемые состояния сознавались бы непосредственно, но не сознавались бы это сознание и его достоверность» [2, 805].

Нарушается диалектика индивидуального и родового самоопределения человека.

Очевидно, против абсолютизации разума выступают представители иррациональной философии. Разумеется, возникла такая ситуация не беспричинно. Рациональная философия достигла своего апогея в философии Гегеля, и ее содержание вполне соответствует эпохе модерна с его абсолютизацией разума. Абсолютизация любого компонента сознания чревата нарушению целостности индивида и как следствие, потере идентичности. Поэтому иррациональная философия выступила противовесом в данном случае, но повторила ту же ошибку, абсолютизируя в противовес разуму либо волевую сферу (волюнтаризм), либо эмоционально-чувственную сферу (экзистенциализм).

Безусловной по Шопенгауэру является воля: «Понятие воли – единственное из всех возможных, которое имеет свой источник не в явлении, не в простом наглядном представлении, а исходит изнутри, вытекает из непосредственного сознания, в котором каждый познает свою индивидуальность в её существе, непосредственно, вне всякой формы» [3, стр.117]. Он освобождается от формы, которую предоставляет разум, поэтому воля его слепа. Да, Воля Шопенгауэра носит космический характер, но отталкивается он при построении своей философии от аналогии с индивидуальной волей.

Элементами сознательной волевой жизни человека являются желания. Без осознания, оценивания желаний не было бы смысла и в выборе. А выбор – это уже неотъемлемый элемент свободы человека. Следовательно, лишая волю ее соотношения с разумом – лишаем человека свободы.

На эмоционально-чувственной сфере делали упор экзистенциалисты. Так С. Кьеркегор в «Страхе и трепете» на передний план выдвигает понятие «ужас», который отличен от физического страха. Ужас не имеет специфического объекта и отражает, в сущности, пустоту «я».

Изначальная пустота «я» описывается и в философии Камю, и в философии Сартра. Экзистенция всегда остается во власти своей бесконечной свободы, возникающей из «ничто» и не знающей никаких заранее заданных установлений и норм.

Эмоции человека – это оценочное отношение личности к объектам и явлениям действительности, которое всегда связано с сравнением. Сравнение – один из основных механизмов разума. Элиминируя его из оценочного аспекта получим равнодушие, как говорилось в одной киносказке «что воля, что неволя – все равно». Ценность отношения как последнее прибежище личности описал В. Франкл. Эмоции – это регуляторы деятельности, отображающие смысл существующей или возможной ситуации в жизнедеятельности индивида. По Кьеркегору, человек осуществляет выбор всей своей сущностью без рациональной «включенности» в ситуацию. Но почему же тогда так мучителен этот выбор, если у человека нет понимания заданных установлений и норм? Какая разница определит ли выбор его сущность как негодяя или как героя?

Бесформенность или пустота – вот чем становится сущность человека при изъятии из его сознания такой компоненты как разум.

Критика «рационалистического» сознания с одновременной абсолютизацией реальности единичного существования, предшествующего всякой родовой сущности, логически обусловило исчезновение единичного «я» («смерть субъекта») в постмодернизме, выступающем преемником иррациональной философии. «Смерть субъекта» подчеркивает невозможность независимого индивидуального сознания. На первый план во многих концепциях постмодернизма выходит языковая реальность, детерминирующая мыслительные структуры индивида. Самосознание субъекта здесь начинают представлять некой суммой текстов, абсолютно компилятивным, эклектичным образованием. Естественно ни о каком субъекте здесь не может быть и речи, ведь субъект всегда подразумевает активность, порождаемую из собственной сущности. Субъект преобразовывается в орудие слепых безличных социальных процессов.

Философский постмодернизм претендует на выражение духа современного общества во всех сферах человеческой деятельности. Неудивительно, что утверждение повсеместной текстовой реальности возникает с развитием информационного общества, политика которого, как указывал М. Кастельс, осуществляется, главным образом, посредством манипулирования символами в средствах массовой информации. Постмодернизм – это, по меткому определению Эпштейна, философия травмированного «информационным взрывом» общества.

Без индивидуальности нет личности, следовательно, расколотость на персональном уровне сделает невозможной целостность индивида на уровне родового самоопределения, то есть невозможность его становления как личности. Сферу идентичности определяют как результат самоопределения личности. Как писал А. Маслоу: «Что мы понимаем под открытием идентичности? Обретение наших истинных желаний и характеристик, а также способность жить так, чтобы они находили свое выражение» [цит. по 4, 327]. В информационном обществе возникает вопрос, а сколько в этом процессе присутствует «само»?

Процесс массификации общества берет начало в период развития индустриализации и достигает своего апогея в современном информационном обществе, обществе потребления, где развитие средств массовой коммуникации и последовавшая массовая информатизация общества способствовали распространению и укреплению массовой культуры. На связь между развитием средств массовой информации и приходом массовой культуры, культуры массового общества, где люди обходятся без индивидуальных различий, указывал М. Маклюэн, обозначая такое общество «глобальной деревней». Основной характеристикой массового человека является то, что он такой «как все». Информационные техники и технологии используются властью имущими для воздействия на сознание людей. Поскольку объем функционирующей информации далеко превосходит объем знаний, то возникает эффект «загрязнения» культурной среды избыточной информацией (информационным мусором). «Бурные потоки мелких информационных частиц непрерывно бомбардируют наше сознание, вызывая онемение и омертвление мыслительных, да и восприимчивых способностей» [1, 42]. Человек начинает представлять действительность не в соответствии со своим личным восприятием, а через отражение ее в средствах массовой информации.

Таким образом, постмодернизм, с одной стороны выступая как философское направление, критикует ограниченность философских теорий, абсолютизирующих, с одной стороны,

всеобщность, а с другой – индивидуальность. Но сокрушая и то, что относимо к всеобщности (трансцендентное, истина, реальность), и то, что относимо к индивидуальности (оригинальность, авторство, новизна), постмодернизм не предлагает ничего взамен, оставляя после своей уничтожающей критики лишь зияющую пустоту. Такое действие напоминает старую шутку о том, что лучшим лекарством от головной боли является гильотина.

С другой стороны, выступая как выражение духа современного общества, постмодернизм вполне справедливо отмечает те изменения в самоидентификации, которые происходят под влиянием массовой культуры и приводят к формированию «массового человека», теряющего свою субъектность и превращающегося в объект социального манипулирования.

Но реагирует на это он весьма своеобразно. Констатируя все возрастающее отчуждение массового человека, постмодернистская теория превращает все в игру, «в которой даже нет ясной воли самих играющих, а только бесконечные игрушки игры – знаки, цитаты, информационные коды... Какое может быть отчуждение, если постмодернистская теория не признает ничего «своего», неискоренимо «самостного»? – нечему быть отчужденным. Цитатность вместо самовыражения, симуляция вместо истины, игра знаков вместо отображения реальности, различие вместо противоположности, – таков этот постсентиментальный, посттрагический, постутопический мир, упоенный собственной вторичностью – и готовностью все завершать, всем пользоваться как материалом для последней и бесконечной игры» [1, 297].

Таким образом, вроде бы подвергая критике властное влияние слепых, анонимных социальных сил на сознание человека, постмодернисты на самом деле подыгрывают им, яростно выступая против целостности и единства как возможных угроз тоталитаризма. Акт самоидентификации ставит человека в жесткие рамки определения, поэтому, с точки зрения постмодернизма, он недопустим. Но ведь в основе концепции власти как раз и лежит принцип разделения («разделяй и властвуй»).

Сопротивляться существующему положению дел может только целостный и на персональном (индивидуальность) и на родовом (личность) субъект, а не раздробленный, «децентрированный» индивид, лишенный самосознания и четкой идентичности.

Но из вышесказанного видно, все трудности самоопределения личности в информационном обществе. Информационное общество и тиражируемая им массовая культура приводят к внутренней дисгармонии, фрагментарности личности, что может обернуться ложной идентификацией. Следовательно, необходимо четко осознавать ситуацию, чтобы не произошло подмены личности «личиной», то есть, чтобы не стать «квази-личностью».

Что же можно противопоставить манипуляциям социальных систем? Идентичность – это внутренняя сущность, ядро личности, тесно связанная с ценностно-смысловой системой (Франкл, 1990; Юнг, 1994). Благодаря немецкому философу и социологу К. Манхейму, различают два базовых типа рациональности: функциональную и субстанциональную. Функциональная рациональность означает ориентированность в текущей жизни, практицизм, способность достигать конкретную цель любыми средствами. В индустриальную эпоху функциональная рациональность возрастает. В информационную эпоху, где даже письмо (индивидуальный почерк, характеризующий человека) и счет теряют свой смысл, темпы ее роста увеличиваются. Зачем нужны преобразовательные усилия над внешним миром и собой, не гарантирующие ко всему прочему, успешности действий, если «нажми на кнопку – получишь результат и твоя мечта осуществится». Субстанциональная рациональность – это способность формирования собственного суждения, стремление субъекта проникнуть в существо процессов и явлений. Развитие функциональной рациональности «предоставляет обществу все меньше возможностей развивать субстанциональную рациональность» и это означает что «именно сущность функциональной рационализации ведет к тому, чтобы лишать рядового индивида способности мышления, понимания, ответственности и переносить эти способности на рационализацию ведущих индивидов» [5, 56]. Следовательно, надо изыскивать возможности для развития субстанциональной рациональности. «Имей мужество пользоваться собственным умом» – призывал И. Кант.

Как уже было сказано выше самоопределение представляет собой процесс обретения субъектом своих истинных желаний и характеристик. Должна быть непрерывная саморефлексия в условиях постоянных изменений, происходящих к тому же со все возрастающими темпами: «Туда ли я двигаюсь?», «Я ли этого хочу?». Это позволит субъекту быть инвариантным, то есть

сохранять свою сущность, при всех внешних изменениях. Это же способствует предотвращению кризиса родовой идентичности, ведь без обращения наблюдения или действия человеком на самого себя невозможна и этическая жизнь, где индивидуальное бытие соответствует принципам человеческого бытия. «Этическая жизнь вынуждает человека к высшей степени ясного и самоопределенного самосознания» [6, 300].

ЛИТЕРАТУРА

1. Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория / М. Эпштейн. – М.: Издание Р. Элинина, 2000. – 368 с.
2. Соловьев В. С. Теоретическая философия / В. С. Соловьев. Сочинения в 2-х томах. – М.: Мысль, 1990, т.1. - 892 с.
3. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. – М., 1900, т.1. – 552 с.
4. Ларцев В. С. Социальные и культурные детерминанты формирования личности / В. С. Ларцев. – К.: Принт-Экспресс, 2002. – 430 с.
5. Манхейм К. Человек и общество в век преобразования / К Манхейм. – М.: ИНИОН АН СССР, 1991. – 220 с.
6. Кьеркегор С. Наслаждение и долг / С. Кьеркегор. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 415 с.

REFERENCES

1. Epshtejn, M. (2000) *Postmodern in Russia. Literature and theory*. Moskva: Izdanie R. Elinina. (In Russian).
2. Kierkegaard, S. (1998). *Pleasure and duty*. Rostov-na-Donu: Feniks. (In Russian).
3. Larcev, V. (2002) *Social and cultural determinants of personality formation*. Kiev: Print-Ekspress. (In Russian).
4. Mannheim, K. (1991). *Man and society in the age of transformation*. Moskva: INION AN SSSR. (In Russian).
5. Schopenhauer, A. (1900). *The world as will and representation*. Moskva. (In Russian).
6. Soloviev, V. (1990) *Theoretical philosophy*. Moskva: Mysl'. (In Russian).